

Новое
Литературное
Обозрение

ЛЕОНИД ЗОРИН

ЗАПИСНЫЕ
КНИЖКИ
1950–1990-х

ЗЕЛЕННЫЕ ТЕТРАДИ

Новое
Литературное
Обозрение

Москва,
2024

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)6443Зорин Л.Г.
3-86

Зорин, Л.

3-86 Зеленые тетради: записные книжки 1950–1990-х / Леонид Генрихович Зорин. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 616 с. (Серия «Критика и эссеистика»)

ISBN 978-5-4448-2552-5

В книгу выдающегося драматурга и прозаика Леонида Зорина (1924–2020) вошли записи, охватывающие более чем полувековой период, начиная с 1950-х и по 1999 год. По словам автора, «Зеленые тетради» — это биография мысли: здесь собраны его размышления, наблюдения, юмористические пассажи и «словечки». Разбитые по десятилетиям, эти записи, в которые включены драматические вставки, представляют собой диалог Леонида Зорина с временем. Блестящий интеллект, независимость суждений, остроумие и эрудиция автора, внимательно вслушивающегося в разногласия эпохи, делают книгу не только уникальным комментарием к ней, но и литературным событием. Первое издание этой книги, выпущенной «Новым литературным обозрением» (1999), стало библиографической редкостью.

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)6443Зорин Л.Г.

В оформлении обложки использована фотография Фёдора Савинцева.

© Л. Зорин, наследники, 2024

© Ф. Савинцев, фото на обложке, 2016

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2024

© 000 «Новое литературное обозрение», 1999; 2024

Содержание

Вместо введения
9

Пятидесятые годы
14

Шестидесятые годы
47

Семидесятые годы
82

Восьмидесятые годы
165

Девяностые годы
310

Сыну и другу — Андрею

Вместо введения

На протяжении десятилетий я регулярно вел дневники. Но — заполняя одновременно эти «Зеленые тетради» — основательные стопки бумаги, заключенные по моей просьбе в переплеты травянистого цвета. Если в дневниках я фиксировал то, что происходило за день, кого я увидел и услышал, то в «Тетрадах» записывал соображения, словечки, различные наблюдения, юмористические пассажи. Записи, — сделанные бескорыстно, вдруг оборачиваются заготовками. Что-то пошло в дальнейшем в дело, что-то, даст Бог, еще пригодится.

Помимо склонности к графоманству, возможно, тут был и страх перед временем, убывающим день за днем. Чудилось, что, когда я записываю, «вербализую» эти часы, я их спасаю от исчезновения. Конечно, читать потом дневники — занятие не для слабодушных. Сопоставляешь свои надежды с тем, что сбылось на самом деле, — почти непосильное испытание! С другой стороны — учишься трезвости.

Я был вознагражден за усердие — разумеется, без моей ле-
тописи я не смог бы осуществить главный замысел — написать

«Авансцену», мемуарный роман, мою историю. Память наша несовершенна, избирательна, ей то и дело нужен толчок, чтоб она задышала.

Но и «Зеленые тетради», тоже по-своему дневники. Есть свой сюжет у биографии мысли. Ее эмоциональное происхождение отмечено многими ее служителями. Ницше сказал, что она — лишь тень ощущения, Вовенарг — что мысль зарождается в сердце.

Жизнь твоей мысли и есть твоя жизнь. Читая «Тетради» в их последовательности, это отчетливо понимаешь. Прежде всего, ты воскрешаешь свое душевное состояние. (Легко заметить, что многие записи, сделанные в пятидесятые годы, рождались под свежим впечатлением от правительственного разгрома пьесы «Гости», на длительный срок поставившего ее автора под прицельный огонь.) Направление твоих размышлений меняется меньше, чем их настроение. Тем более в первом своем приближении мысль, в сущности, лишь обещание мысли, ее предчувствие, первый вздох. Ее еще необходимо вывести на следующий виток спирали.

Когда я собирал эту книгу, меня смущали объем, хаотичность, разнокалиберность заметок. Но вышло так, что главной заботой стала для меня композиция. Было немалое искушение как-то организовать эти записи и расположить их по темам. В конце концов, я его преодолел — такое решение, вероятно, облегчило бы восприятие, однако дыхание стало бы иным, рисунок превратился бы в чертеж. В бессвязности есть некая правда. Не зря в наши утренние времена бессвязность бормотания Пифии (под действием сернистых паров) внушала особенное доверие. Впоследствии такое случилось и в философии, и в искусстве — возможно, и мне сегодня поможет ничем не стесненное движение книги. Я лишь разбил ее на десятилетия — нужны и верстовые столбы.

Точно так же внутри самих разделов необходимы свои привалы. Размышления порой слишком настойчиво втягивают в свое поле читателя. Очевидно возникает потребность в эмоциональной передышке. Я оставил в тексте такие вкрапления и озаглавил их «Интерлюдиями». Не очень-то точное словечко, однако другое на ум не приходит.

Была своя сложность и с теми записями, которые не слишком монтировались с общей тональностью этой книги. Пришлось их выделить в свой раздел — я окрестил его «Манежем». Что делать, натура драматурга должна была все-таки проявиться — в обилии голосов, диалогов, реплик и маленьких монологов. Само собою, они окрашены особым авторским отношением и полемически заострены. Но многое в самом деле услышано. Для этого гомона и понадобился некий специальный отсек в финале каждого десятилетия — своеобразный птичий базар, где все эти щелканья, клетоты, трели смогут свободно перекликаться, не ограниченные той последовательностью, которую предлагает пьеса. «Манеж» — название подходящее. В разноголосице характеров жизнь предстает нам как зрелище, как несмолкающий круговорот.

Встречаются и стихотворные записи. Это выглядит не вполне оправданным. Но я допускаю, что и они не случайно заняли свое место — в таком неожиданном обрамлении время иной раз выглядит выпуклей. Резонируя в стиховом пространстве, звук его слышится даже резче. То — в иронически приземленном, то — в драматическом регистре. Больше всего рифм в «Манеже», однако же и в основной текст они — неведомо как — просочились.

В «Зеленых тетрадах» почти неизбежны, почти закодированы повторы (в конце концов, они тоже рифмы), хотя я стремился их избежать — существуют навязчивые идеи. То сам невольно к ним возвращаешься, то сразу же радостно

откликнешься, найдя нечто схожее и созвучное. Размышляя, постоянно отталкиваешься. От пережитого, от прочитанного, от увиденного и услышанного, от пропущенного сквозь твое естество. То идешь вперед, то уходишь в сторону, то оглядываешься на полузабытое. Сочинишь, разовьешь, поделишься тайной. Понимаешь, что собственное волнение может помешать объективности. Но что на этой земле объективно? Может быть, только музыка Баха — по утверждению Альберта Швейцера.

Мир и одаривает и воздействует — приключением, человеком, книгой. Читая, ты внедряешься в текст, вдумываешься, комментируешь. Чем значимей, чем важнее для тебя зарница твоей ответной мысли — тем больше потребность ее удержать, а позже — возвратить обретенное. Любая книга тебя инспирирует. «Свеча возгорается от свечи», — сказал Потебня. Это бесспорно. Тем более для литературы.

Теперь я могу сказать, что чтение было одним из самых щедрых доставшихся от жизни даров — полки, заставленные томами и томиками, братски прижавшимися друг к другу, стали едва ли не главной частью моего повседневного пейзажа, умиротворяющей и вдохновительной.

Нодье говорил, что «библиотеки — это гарем для стариков». Ерунда. Сколько помню себя — читаю. Сейчас — даже значительно меньше. А в юности читал дни и ночи. Без разбора. Так же как и любил. Теперь, когда времени все меньше, приходится быть немного взыскательней. Грустно. Иной раз я бы не прочь прочесть какую-нибудь галиматью. Но надо уже беречь глаза.

Рано став членом Союза писателей (мне было всего семнадцать лет), я поздно сложился как литератор. Тут есть субъективная вина, есть не зависевшие от меня обстоятельства. Режим, при котором нам выпало жить, уже с малолетства вторгался в мой мир (так же как в мир моих сограждан). Он

занял непомерное место и в работе — то я с ним спорил, то глупо пытался его улучшить, то с запальчивостью сводил с ним счеты, вместо того чтобы заниматься своим прямым писательским делом.

Легко заметить, что пятидесятые, шестидесятые, семидесятые представлены неизмеримо скупее, чем последующие десятилетия. То ли сперва я еще не привык к повседневному общению с мыслью, то ли уровень ее интенсивности был недостаточен — я полагаю, что неосознанно ее сдерживал, испытывал, как все соотечественники, опаску перед ее последствиями. И дело даже не только в угрозе, всегда исходившей от диктатуры, — не было настоящей готовности «дойти до сути», домыслить, додумать.

Конечно, «Зеленые тетради» будут продолжены, куда ж от них деться, но, видимо, надо передохнуть и разобраться в том, что записано. В молодости хочешь поспеть, в моем возрасте важнее успеть. Когда я задумался о публикации, я должен был провести черту меж теми записями, что сделаны, и теми, что еще будут сделаны. Мне жаль моих будущих заметок, обреченных остаться в очередных «Тетрадах», в могилах неизвестных солдат, но не успеешь остановиться, и время остановит тебя. Когда ты это делаешь сам, хоть сохраняешь иллюзию выбора. И пусть я признаю правоту тонкого замечания Манна «откладывать всегда хорошо», пусть неизменно им руководствовался, настал сезон, когда надо трезвее взвесить отпущенный тебе срок.

Поэтому напутствие сына «Больше откладывать нельзя» на сей раз прозвучало весомей, нежели пожелание классика.

Сыну я посвящаю книгу с благодарностью за многолетнюю дружбу.